

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме **Любви.**

Эпизод
Одиннадцатый
Книга-Сериал

Элли Ван Хаутен

**Эпоха Соло или Всё
Включено, Кроме Любви.
Эпизод Одиннадцатый**

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод
Одиннадцатый / Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

Эпоха Соло или Всё включено, Кроме Любви — это книга-сериал. Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город. Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается. Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить, бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра. Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется. Эпизод одиннадцатый

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод Одиннадцатый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Одиннадцатый

Эпизод Одиннадцатый

Ноябрь входит в Лондон без малейшей попытки представиться заново — просто продолжает то, чем занимался октябрь, только с меньшим количеством света и большим количеством дождя того особого, горизонтального свойства, которое, по словам Дэниела, является национальной гордостью Копенгагена, но которое, как выясняется на собственном опыте промокших щиколоток, прекрасно чувствует себя и в Лондоне, не спрашивая ни у кого лицензии на экспорт.

Я сижу за кухонным столом в понедельник утром, глядя на телефон с той сосредоточенностью, с которой обычно смотрят на результаты медицинского анализа, ожидая либо полного оправдания, либо диагноза, требующего немедленного лечения, потому что вчера, спустя четыре дня после моего предельно честного, лишённого всякой иронической брони вопроса — «у тебя там действительно всё просто хорошо, или «хорошо» означает что-то ещё» — Дэниел наконец ответил.

Я знаю это, потому что видела значок непрочитанного сообщения ещё вчера в десять вечера, за секунду до того, как решила, что имею полное право прочитать его утром, на свежую голову, а не в состоянии готовности разрыдаться от одной интонации пунктуации. Решение, которое сейчас, спустя двенадцать часов созревания тревоги, кажется мне одновременно образцом взрослой самодисциплины и одной из худших идей моей жизни, что, признаюсь, довольно типичное сочетание для большинства решений, принимаемых мной после девяти вечера.

I

Сообщение, когда я наконец нажимаю на него дрожащим от кофеина и предвкушения пальцем, оказывается голосовым — две минуты семнадцать секунд, судя по таймингу, — и я, откладывая утренний тост в сторону с той торжественностью, с которой откладывают всё несущественное перед чем-то действительно важным, нажимаю на воспроизведение.

Голос Дэниела, тёплый и слегка хрипловатый в начале, как всегда бывает, когда он записывает сообщения по утрам, начинает с извинений за долгое молчание — «эти четыре дня были абсолютным безумием, у нас начался новый проект, реконструкция набережной, я почти не выходил из офиса» — и я слушаю первые сорок секунд с той внимательностью, с которой обычно читают договор аренды, ища подвох между строк договорных формулировок.

Затем он переходит непосредственно к моему вопросу — вернее, начинает переходить, потому что то, что следует дальше, представляет собой мастер-класс архитектурного искусства избегания, достойный отдельной главы в моей книге, если бы я когда-нибудь решила написать главу под названием «Как ответить на прямой вопрос, не ответив на него, используя исключительно вежливые интонации и метафоры про мосты».

«Знаешь, — говорит он, и в его голосе появляется та лёгкая, тщательно отрепетированная непринуждённость, которую я уже научилась распознавать как первый признак приближающегося уклонения, — жизнь здесь действительно сейчас в хорошем месте. Работа наконец на своём месте, я снова начал бегать по утрам вдоль канала, встретил старых друзей на прошлой неделе, было здорово. В общем, всё правда хорошо, в широком смысле слова хорошо, если ты понимаешь, о чём я».

Я не понимаю, о чём он, и именно в этом заключается вся драматургическая ирония последних четырёх дней моего ожидания: он произносит слово «хорошо» ровно семь раз за оставшуюся минуту сорок секунд сообщения, ни разу не уточняя, идёт ли речь о погоде, карьере, ресторанах, беге вдоль канала или о существовании конкретного человека, из-за которого он ходит окрылённый по мостам, — и завершает всё фразой, которая, будь она произнесена в зале суда, немедленно вызвала бы у любого адвоката острое желание заявить протест на основании уклончивости свидетеля: «В общем, не переживай, всё действительно хорошо, обещаю. Как у тебя дела с книгой?»

Смена темы происходит настолько плавно, настолько профессионально, что я, дослушав сообщение до конца, несколько секунд сижу неподвижно, испытывая то специфическое чувство, которое хорошо знакомо любому, кто когда-либо задавал начальнику прямой вопрос о повышении и получал в ответ подробный рассказ о корпоративной культуре компании.

— Он не ответил, — говорю я Симоне по телефону через одиннадцать минут, за которые успеваю дважды переслушать сообщение и один раз выругаться вслух на пустую кухню с той экспрессивностью, которую обычно приберегаю для сломанных штопоров и медленного вайфая.

— Он ответил семь раз, — уточняет Симона с той аналитической педантичностью, которая до сих пор заставляет меня подозревать, что где-то в глубине её резюме спрятан незаконченный диплом по логике. — Просто ответил на вопрос, который ты не задавала — «как вообще дела», а не на вопрос, который задавала ты — «есть ли кто-то ещё».

— Спасибо, что формализовала мою травму в виде диаграммы, — говорю я, наливая себе вторую чашку кофе с той решимостью, с которой обычно принимают судьбоносные решения, хотя, объективно говоря, речь идёт всего лишь о кофеине. — Это очень помогает.

— Кейт, — говорит Симона тем голосом, который я определяю про себя как «голос человека, готовящегося сказать неприятную правду под видом дружеской поддержки», — можно я скажу тебе вещь, за которую ты, возможно, временно перестанешь со мной разговаривать?

— Учитывая, что ты единственный человек, который сейчас не увिलивает от прямых ответов, валяй.

— Мужчина, у которого действительно ничего не происходит, отвечает на прямой вопрос одним словом: «Нет, никого нет, всё в порядке». Это занимает четыре секунды. Мужчина, который отвечает две минуты семнадцать секунд, используя слово «хорошо» семь раз и ни разу не произнося слово «нет», — либо крайне плохой рассказчик, либо человек, тщательно избегающий лжи буквально, потому что технически он ничего не соврал, просто и не сказал правды.

Повисает та пауза, которая случается, когда друг озвучивает мысль, уже поселившуюся в твоей собственной голове, но настолько неприятную, что ты предпочитала держать её в дальнем углу сознания, не давая ей полного гражданства.

— Значит, ты думаешь, там кто-то есть, — говорю я тихо, чувствуя, как утренний кофе внезапно приобретает металлический привкус разочарования.

— Я думаю, — говорит Симона осторожно, — что там либо кто-то есть, либо там нет никого, но есть страх сказать тебе через океан пиксельного расстояния что-то настолько окончательное, как «нет, никого нет, я всё ещё думаю только о тебе», потому что окончательность обязывает, а обязательства, как мы обе прекрасно знаем на личном опыте, пугают современных мужчин сильнее, чем зомби-апокалипсис.

— Это самая точная и самая невыносимая метафора, которую ты произносила за весь год, — признаю я.

— Спасибо, я стараюсь, — говорит Симона с той скромной гордостью, с которой обычно принимают комплименты профессиональному мастерству. — Что ты собираешься делать?

Я смотрю на недоеденный тост, на телефон, на серое ноябрьское небо за окном, обещающее очередной день горизонтального дождя, и внутри меня медленно, но необратимо формируется решение, рождённое не столько мудростью, сколько той специфической разновидностью злости, которая требует немедленного канала для выхода, иначе рискует найти его в форме чего-то значительно менее продуктивного, чем то, что я планирую предпринять.

— Я собираюсь дописать книгу, — говорю я твёрдо, — и сходить с вами в бар в четверг, и напиться настолько, чтобы забыть, как звучит слово «хорошо» в датском акценте.

— Амбициозный план, — говорит Симона. — Одобряю обе части.

II

Решение засесть за книгу, принятое в приступе того особого гнева, который требует немедленной продуктивной разрядки, приводит меня в понедельник же вечером к письменному столу с той решимостью, которая обычно длится ровно сорок минут, прежде чем разбивается о суровую реальность собственной прокрастинации, но на этот раз, к моему собственному удивлению, продолжает гореть значительно дольше, подпитываемая исключительно чистым, дистиллированным раздражением на конкретного архитектора из Копенгагена.

Документ «Черновик — не открывать», разросшийся за десять месяцев работы до размеров, вызывающих у меня одновременно гордость автора и панику человека, понимающего, что впереди ещё как минимум одна серьёзная структурная проблема, открывается на главе, которую я предварительно назвала «Молчание как форма коммуникации» — название, которое сегодня, спустя четыре дня ожидания и семь употреблений слова «хорошо», обретает для меня совершенно новую, болезненно личную остроту.

Я печатаю два часа подряд, не отвлекаясь даже на привычную проверку телефона каждые семь минут, — успех, который я мысленно отмечаю с той же торжественностью, с какой отмечают спортивные рекорды, — прежде чем реальность в лице моего собственного желудка напоминает о себе громким, недвусмысленным урчанием, вынуждающим меня наконец оторваться от клавиатуры и обнаружить, что холодильник, как это часто случается в периоды творческого затворничества, содержит исключительно горчицу, половину лимона неопределённого возраста и упаковку яиц, срок годности которых истёк с той философской неопределённостью, которая заставляет задуматься не о конкретной дате, а о самой природе времени.

Решение приготовить яичницу, несмотря на сомнительный срок годности главного ингредиента, оказывается тем типом мелкой бытовой авантюры, которая идеально иллюстрирует общее состояние моей жизни этой осенью: я разбиваю первое яйцо о край сковороды с той уверенностью человека, готовившего яичницу сотни раз, — и тут же роняю половину скорлупы прямо в желток, откуда извлекаю её следующие полторы минуты кончиком вилки с растущим ощущением, что даже базовая кулинария теперь настроена против меня персонально, в качестве продолжения общего заговора вселенной.

Второе яйцо, разбитое с чрезмерной осторожностью, призванной компенсировать провал первого, оказывается тухлым — факт, который я обнаруживаю исключительно благодаря запаху, распространяющемуся по кухне с той агрессивной решимостью, с которой обычно распространяются только действительно катастрофические кулинарные ошибки, — и я, стоя над сковородой с выражением лица человека, только что получившего второе за вечер персональное оскорбление от неодушевлённых предметов, принимаю окончательное решение заказать еду на вынос, признавая временное поражение перед лицом объединённых сил просроченных продуктов и вселенского сарказма.

Ожидая доставку, я возвращаюсь к ноутбуку и, вместо продолжения главы про молчание, обнаруживаю себя перечитывающей заметки из самого начала книги — когда идея писать про «эпоху одиночества» только зарождалась за столиком «Красного света», ещё до Дэниела, до Александра, до архитектурных метафор про мосты и до понимания того, насколько личной окажется эта, казалось бы, чисто исследовательская работа, — и меня накрывает та особая

смесь гордости и меланхолии, которая приходит от осознания, сколько всего изменилось за десять месяцев письма, тогда как сама книга, как назло, ещё далека от завершения, застряв где-то на середине последней трети, где, по моим собственным первоначальным планам, героиня — то есть я — уже должна была прийти к какому-то определённом выводу насчёт любви, доверия и современных мужчин, вместо чего продолжает добавлять новые главы про молчание, ставшее формой коммуникации.

III

Первое известие о «серьёзной компании» приходит к Монике не напрямую, а через Тома, который врывается в их общую квартиру во вторник вечером с тем выражением лица, которое Моника, по её собственному последующему описанию, немедленно и безошибочно классифицировала как «выражение лица человека, только что выигравшего в лотерею, но ещё не решившего, как об этом сообщить партнёру, чья реакция статистически непредсказуема».

— У меня новости, — объявляет он, ещё стоя в дверях с курткой, наполовину снятой с одного плеча, что придаёт ему тот особый вид взволнованной асимметрии, который Моника позже сравнит с человеком, застрявшим на полпути между входом и полноценным появлением, метафорически отражающим, как окажется, всю дальнейшую динамику разговора.

— Судя по твоему лицу, либо ты нашёл миллион фунтов на тротуаре, либо случилось что-то, требующее длинного вступления, прежде чем ты перейдёшь к сути, — говорит Моника, откладывая ноутбук с той настороженностью финансового аналитика, привыкшего анализировать риски прежде, чем радоваться потенциальным прибылям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.